
ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РОССИИ

К самоопределению российского общества: в поисках системы координат

С.Г. КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР*

*Светлана Георгиевна Кирдина-Чэндлер – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, заведующая сектором эволюции социально-экономических систем, ФБГУН Институт экономики РАН. Адрес: 117219, Москва, Нахимовский пр., д. 32. E-mail: kirdina@bk.ru

Цитирование: Кирдина-Чэндлер С.Г. (2019) К самоопределению российского общества: в поисках системы координат // Мир России. Т. 28. № 2. С. 6–24. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-6-24

Проблема самоопределения российского общества продолжает оставаться актуальной, поскольку до сих пор не получила своего решения. Самоопределение предполагает не только артикуляцию согласованных элитами и населением стратегических целей и основных ориентиров внутри- и внешнеполитического развития (в современной России эта задача почти решена), но и выбор на его основе эффективной системы организации и мобилизации ресурсов, обеспечивающей устойчивое развитие общества. Однако в этом случае согласие в обществе пока не достигнуто. Поэтому продолжается поиск системы координат в самоопределении российского общества и ее теоретических оснований. В статье представлен обзор современных теоретических концепций, применяемых для анализа российского общества, и исследованы их инструментальные возможности служить системами координат для целей его самоопределения. Рассмотренные концепции и подходы включают в себя культурологическую оппозицию Запад-Восток и евразийство; цивилизационный подход; теории модернизации и глобализации; институциональные теории (порядков открытого/ограниченного доступа и инклюзивных/экстрактивных институтов); теорию институциональных X-Y матриц. Показаны преимущества и ограничения каждого из теоретических подходов для решения поставленной задачи. Обоснованы целесообразность и перспективность использования теории институциональных X-Y матриц как актуальной системы координат для самоопределения российского общества. Данная теория, будучи теорией мезоуровня, направлена на выявление экономических, политических и идеологических механизмов и способов включения ресурсов в обеспечение социальной деятельности. Она позволяет определить контуры искомой системы организации и мобилизации общественных ресурсов в условиях внешних и внутренних вызовов, является идеологически нейтральной и имеет прагматическую направ-

ленность. Также на ее основе разрабатываются метрики, позволяющие осуществлять институциональные измерения российских реформ и оценивать их результаты. В статье предлагается продолжить дискуссию о формировании научных основ для самоопределения российского общества и выбора адекватной модели мобилизации общественных ресурсов для его дальнейшего развития.

Ключевые слова: Россия, самоопределение, институциональные измерения, мезоуровень анализа, оппозиция Запад-Восток, цивилизационный подход, теория модернизации, институциональные теории, теория институциональных X-Y-матриц

Введение

Начнем, как полагается, с определений. В толковых словарях (под ред. Д.Н. Ушакова, а затем С.И. Ожегова) *самоопределение* – это «выявление народом своей воли в отношении своего национального и государственного устройства». В англоязычных словарях самоопределение (*self-determination*) также первым своим значением называет процесс определения народом своей государственности и структур управления. Результат процесса самоопределения выражается в явной артикуляции согласованных элитами и населением стратегических целей и основных ориентиров внутри- и внешнеполитического развития. В соответствии с самоопределением (или в процессе самоопределения) происходит выбор эффективной системы организации и мобилизации ресурсов, обеспечивающих устойчивое развитие общества [Пантин, Лапкин 2006].

Самоопределение предполагает рефлекссию проживаемого нациями опыта своего государственного развития. Очевидно, что для каждой из наций этот исторический процесс носил во многом стихийный характер, когда во времена расселения или завоеваний, войн, эволюционного развития и революций, экологической адаптации, внешнего давления и перебора разных вариантов взаимного сосуществования из социального хаоса рано или поздно возникал порядок, отражающий законы самоорганизации социальных систем и воплощенный в системе государственных институтов.

Однако в этом поначалу стихийном процессе с ходом истории все более важной становится роль знания и социальных наук. С переменным успехом представители научного клана и примыкающие к ним «обществоведы-общественники»¹ во всех странах старались выявлять основной вектор воли народов, чтобы объяснить ее или помочь приспособлять к ней социальные действия национальных масс, классов или элит.

Задача настоящей статьи – очертить и сопоставить основной корпус научных идей, которые применяются к самоопределению российского общества, другими словами, представить те системы координат, в которых мир России – громадный, неохватный и космический – пытается себя осознать.

---

¹ Специалистам известны, например, «проекты» общественного переустройства петровской эпохи, разрабатываемые представителями различных классов. Среди них был и первый русский экономист, предприниматель и купец И.Т. Посошков, автор «Книги и о скудости и богатстве», написанной в 1721–1724 гг.

Основой для понимания путей самоопределения нашего общества служит, прежде всего, история. Представители разных дисциплин через свои методики исследуют факты и события, стремятся понять их логику и выявить законы становления, развития российской государственности и национального сознания. «Заниматься историей – значит погружаться в хаос и все же сохранять веру в порядок и смысл. Это очень серьезная задача <...> и, быть может, трагическая», – так говорил известный персонаж «Игры в бисер» отец Иаков [Гессе 2008, с. 137]. Для ученого трагизм заключается в понимании того факта, что, конечно, невозможно познать реальную правду и неповторимость происходящего во всем его многообразии, любое знание будет неполным, однако у нас нет иного пути: анализ самоопределения российского общества невозможен без изучения его истории. Поиск систем координат для такого самоопределения – это разнообразные попытки «упаковать» национальную историю, уложить ее в задаваемый силой нашего ума и используемой методологии порядок, чтобы выявить искомый вектор народной воли.

Именно на этой основе формируются те теоретические концепты, которые мы называем здесь системами координат и включаем в свой анализ. Среди их множества² выбраны:

- оппозиция Запад-Восток (евразийство, вестернизация-истернизация);
- цивилизационный подход;
- подход с точки зрения теории модернизации и глобализации;
- институциональные теории и отдельно – теория институциональных X-Y матриц.

Рассмотрение и оценка различных вариантов самоопределения российского общества в перечисленных системах координат и составляет основное содержание настоящей статьи.

Оппозиция Запад-Восток, евразийство, вестернизация-истернизация

Запад-Восток – наиболее устойчивая парадигматика культурологической мысли, выработанная для первичной типологии мировой культуры. Она выражает дихотомию поляризованного целого всемирной культуры, воплощенную в противоположных моделях культурной идентичности [Культурология 1997]. В отечественной социальной мысли противопоставление России по отношению к Европе как «коллективному Западу» имеет многовековую традицию и восходит к XVI в. Речь идет о переписке Ивана Грозного с князем Андреем Курбским, бежавшим из Москвы в Литву, в которой царь отстаивал идеи самодержавия, раскритикованные, по мнению Ивана Грозного, прозападным Курбским.

Обоснование особенностей государственного строя России по сравнению с «западной» Европой мы находим затем у представителей государственной школы

² В одной статье невозможно охватить все теории и подходы, в рамках которых по-разному решается вопрос самоопределения России. В дополнение к заявленным можно было бы добавить формационную, синергетическую, мир-системную концепции (о них подробнее см. во «Введении» [Мионов 2015]), теорию исторической колеи [Нуреев, Латов 2010], социальной инерции [Ильин 2017] и т.д. Но вслед за Козьмой Прутковым и породившими его А.К. Толстым и братьями Жемчужниковыми повторим: «Никто не обнимет необъятного».

российской историографии второй половины XIX в. (А.Д. Градовского³, И.И. Дитятин⁴, П.Н. Милокова⁵ и других). Это же противопоставление мы обнаруживаем как в полемике славянофилов с западниками в середине XIX в., так и в современных дискуссиях между государственниками и либералами: на эту преемственность указывают, например, Р.С. Гринберг⁶ и М.Ю. Урнов⁷. В этих многолетних дебатах Россию определяют как страну незападную (централизованную, с коллективистскими устремлениями), отличающуюся от западных государств (с развитыми рыночными отношениями, либеральными индивидуалистскими ценностями и т.п.).

Характерно, что такое незападное восприятие России демонстрировали наши величайшие поэты, которые оказывались мудрее философов, а их рефлексия социального – более точной. Вспомним, например, А.С. Пушкина, который писал П.Я. Чаадаеву, что «правительство все еще единственный европеец в России», или А.А. Блока с его бессмертными строками «Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы».

Зародившееся в 1920-е гг. в среде российских эмигрантов евразийство (Н.С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Флоровский⁸), философски восходя к славянофильской традиции, объявляет Россию, тем не менее, наследницей монгольских кочевников. Тем самым евразийство еще больше «смещает» нашу страну в сторону Востока⁹ и отдаляет ее от Запада. Для евразийцев Россия также представляет собой антизападный проект, который страна реализует в содружестве с азиатскими народами. Таким образом, для большинства последователей культурологической оппозиции Запад-Восток или евразийской концепции самоопределение России понимается прежде всего как антитеза Западу, противостояние ему и западным ценностям, а также культурным нормам как «альтернативный Запад» (С.Е. Кургинян¹⁰).

Оппозицию Запад-Восток для самоопределения российского общества используют не только современные евразийцы, но и ряд культурологов. Характерным является подход, представленный в статье «Истернизация русской повседневности: история и современность», опубликованной в этом номере журнала [*Ильин* 2019, с. 25–41]. В своем анализе русской повседневной культуры автор опирается на «процессы культурной диффузии как фактор развития русской повседневной культуры», которые «веками шли в форме вестернизации и истернизации» [*Ильин* 2019, с. 25], при этом истернизация рассматривается в качестве «сквозного процесса российской истории» [*Ильин* 2019, с. 25].

³ Градовский А.Д. (1878) Системы местного управления на Западе Европы и в России. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп.

⁴ Дитятин И.И. (1875) Устройство и управление городов России. Т. 1. СПб.: Тип. М. М. Меркульева.

⁵ Милоков П.Н. (1896) Очерки из истории русской культуры. Изд. 2-е. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова.

⁶ Гринберг Р.С. (2013) Ни почвенникам, ни западникам Россию не приватизировать // Известия. 9 июля 2013 // <https://iz.ru/news/553275>

⁷ Урнов М.Ю. (2016) Социальный либерализм в России (Взгляд политолога) // Рубинштейн А., Плискевич Н. (ред.) Социальный либерализм. СПб.: Алетейя. С. 98–121.

⁸ В 1960–1970-е гг. к этому направлению примкнул Л.Н. Гумилев, называвший себя «последним евразийцем». Он был не прав, поскольку евразийство продолжает жить и в XXI вв., среди его представителей – А.С. Панарин, Б.С. Ерасов, Ф.М. Гиренок и др. Один из них, А.Г. Дугин, даже основал политическую партию «Евразия».

⁹ О понимании Востока в трудах евразийцев см. [*Ильин* 2019, с. 27].

¹⁰ Кургинян: Россия стала Третьим Римом гуманизма и запасным бронепоездом мира (2018) // REGNUM. 2 ноября 2018 // <https://regnum.ru/news/2512373.html>

Иные авторы, наоборот, главное внимание уделяют процессам вестернизации и полагают их основными движущими силами развития страны. Этот подход представлен, например, в фундаментальном труде Б.Н. Миронова, который пишет, что во времена российской империи происходила конвергенция России и Запада, где «вектор движения – вестернизация и модернизация» [Миронов 2015, т. 1, с. 12].

Нельзя не согласиться с тем, что анализ российского общества в координатах Запад-Восток может быть весьма плодотворным. С другой стороны, для самоопределения общества этих координат недостаточно. Во-первых, самобытность нашей страны, как признают (прямо или косвенно) представители рассмотренных выше подходов, не позволяет отнести Россию ни к Востоку, ни к Западу. Еще Д.И. Менделеев отмечал, что «страна-то ведь наша особая, стоящая между молотом Европы и наковальней Азии» [Менделеев 1907, с. 13]. Но вряд ли для самоопределения страны понимание ее положения «между» является наиболее продуктивным. Позволяя исследовать процессы вестернизации и истернизации, оппозиция Запад-Восток не дает обоснованного ответа на вопрос, какова, собственно, сама Россия, каковы внутренние присущие ей механизмы развития, которые приводят к созданию и воспроизводству тех институтов, которые мы имеем.

Цивилизационный подход

Цивилизационный подход представляет собой развитие предыдущей типологии мировой культуры и переход от двоичной оппозиции Запад-Восток к более широкому числу основных культурно-исторических типов – цивилизаций. Цивилизации отличаются уникальным своеобразием культурных образцов, объединяют народы с общими духовными традициями в определенных географических рамках. Цивилизационная специфика определяет иерархию социальных ценностей того или иного народа, направления институционального строительства, формирование систем социального управления. Отмечается, что различные цивилизации являются по-разному «созидательными» в неодинаковых областях человеческой деятельности: одни имеют более высокие достижения в организационно-правовой сфере, другие – в технологиях, третьи – в культурном и духовном развитии и т.д. [Данилевский 1869].

Цивилизационный подход по сравнению с двоичной оппозицией углубляет и разнообразит исторический анализ социально-культурных особенностей обществ. Наследием оппозиции Запад-Восток в цивилизационных концепциях является подчеркивание их противостояния, чужеродности относительно друг друга. Как никогда не сойтись Востоку и Западу (Р. Киплинг), так никогда не достичь понимания представителям разных цивилизаций, находящимся в постоянной борьбе между собой и с вызовами внешней среды.

Сколько цивилизаций, какие они, каково место России среди других цивилизаций – эти вопросы остаются дискуссионными. Наш соотечественник Н.Я. Данилевский, которого считают основоположником цивилизационного подхода, выделял десять, а Россию – как особую цивилизацию [Данилевский 1869].

О. Шпенглер исследовал восемь развитых культур-цивилизаций, но России в этом списке не было, поскольку она, по его мнению, в начале XX в. находилась лишь на стадии своего становления и формировалась под сильным воздействием иных цивилизаций, что не позволяло выявить ее сущность [Шпенглер 1993]. Разработавший теорию локальных цивилизаций наиболее детально А. Тойнби выделил в истории сначала 21, потом – 15 цивилизаций, из которых в конечном счете остались только пять. В списке этих пяти Россия была отнесена к православно-христианской, или византийской, цивилизации [Тоунби 1961]. У одного из наиболее убежденных сторонников постоянного столкновения цивилизаций С. Хантингтона (насчитавшего девять цивилизаций) Россия была названа «качающейся цивилизацией» вне этого списка, которая примыкает то к одной, то к другой базовой цивилизации в ходе их соперничества между собой [Хантингтон 1994; Huntington 1993].

Не очень популярные за рубежом идеи Н.Я. Данилевского и других русских философов о выделении российской цивилизации как особой структуры получили поддержку и новое развитие в постперестроечной России. В учебнике «Современная российская цивилизациология. Подходы, проблемы, понятия» авторы цитируют сотни российских исследователей, разрабатывающих в той или иной мере цивилизационную проблематику в отношении России [Костяев, Максимова 2008]. Среди приверженцев цивилизационного подхода особо выделяется круг постоянных авторов журнала «Мир России»: О.И. Шкаратан, В.Н. Лексин, Г.А. Ястребов, Я.Г. Шемякин, И.Б. Орлов, В.В. Козловский [Шкаратан 2010; Лексин 2012; Шкаратан, Лексин, Ястребов 2015; Шкаратан, Ястребов 2016; Шемякин 2016; Орлов 2017; Козловский 2017]. Их работы, наряду со многими другими, углубляют понятие российской цивилизации, показывают, каким образом цивилизационные особенности российского общества определяют своеобразие его нынешней трансформации, выявляют историческую преемственность институциональных механизмов и особенностей государственного устройства страны на разных этапах ее развития. Представители цивилизационного подхода также открыты к взаимодействию с представителями других наук, они активно используют разнообразные концепции в качестве инструментов проверки гипотез для цивилизационного анализа (например, концепцию социальной инерции [Ильин 2017, с. 33]). Ценность работ представителей этого направления состоит также в попытках организации широкой общественной дискуссии по поводу характера и перспектив проводимых российских реформ.

Цивилизационный подход имеет очевидные преимущества по сравнению с оппозицией Запад-Восток. Среди них – внимание к специфике российского общества, многомерность анализа, учет исторических закономерностей развития страны. В то же время у него есть особенности, которые ограничивают возможности цивилизационного подхода быть использованным для самоопределения российского общества. Одна из них – концентрация на культурных и ценностных характеристиках при меньшем внимании к политическим и особенно экономическим общественным структурам. Другой недостаток – как продолжение достоинств данного подхода – излишняя концентрация на внутрироссийских национальных особенностях. И хотя представители цивилизационного подхода достаточно активны в проведении сравнительного анализа, где российская цивилизация сопоставляется, например, с европейской [Шкаратан 2010] или латиноамериканской

[Шемякин 2016], в фокусе исследования находится собственно сама Россия. В то же время общественное самоопределение требует, на наш взгляд, более широкой системы координат и выхода за пределы признания лишь самобытности или оригинальности.

Как отмечает О.И. Шкаратан, «признание специфического развития стран разной цивилизационной принадлежности не означает отрицания универсальности технологий жизни в самом широком смысле этого понятия» [Шкаратан 2010, с. 25]. Одним из вариантов рассмотрения развития России в таком универсальном контексте может служить опора на теории модернизации и глобализации. Протестируем эту пару взаимосвязанных групп теорий на предмет того, насколько они целесообразны для решения задачи самоопределения российского общества.

Теории модернизации и глобализации

Суть теории модернизации, предложенной еще в середине прошлого века социологами из США (среди них Т. Парсонс, С. Хантингтон, Э. Шилз), составляет линейное представление социально-экономического развития всех обществ как прогрессивного перехода от традиционных форм к современным, от традиционного общества к современному обществу – *modernity*, а затем – к *post-modernity*. Модернизация предполагает вытеснение традиций современностью и восходящее движение к более развитым, прогрессивным формам общественной организации. Отличие теории модернизации от рассмотренных выше концепций состоит в подчеркивании динамического аспекта исторического развития. Отметим, однако, что одним из авторов теории модернизации был упомянутый ранее Самюэль Хантингтон, известный также своей версией «жесткого» цивилизационного подхода как «столкновения цивилизаций». Этот факт обращает наше внимание на идеологические основания модернизационной теории, предложенной представителями американской цивилизации¹¹ на международном рынке идей.

В этой связи сделаем одно замечание относительно особой роли социологических и экономических теорий, которая связана с их принадлежностью и закреплением в определенных социально-гуманитарных и глобальных политических контекстах. Исследователи теории модернизации связывают ее становление в 1950–1960-е гг. с тем, что «она отразила стремление США интеллектуально подчинить себе страны “третьего мира”, освободившиеся от прямой колониальной зависимости, и по возможности включить в сферу своего идейного влияния социалистические страны во главе с Советским Союзом» [Бокарев 2010]. Логика теории модернизации – преобразования всех обществ по образцам развитых западных демократий – нашла свое продолжение в теориях глобализации¹², стержень которых

¹¹ Об американской цивилизации см., например, [Болховитинов 2001].

¹² К теориям глобализации (распространение модернизации через национальные границы) относят несколько направлений социально-экономической и политической мысли, которые концентрируются на разных сторонах универсального для разных стран вектора развития: мир-системная теория, теории глобального капитализма, сетевого общества, теории транснационализма, постмодерн и другие [Robinson 2007].

составляет признание универсальных формальных и неформальных правил социальной организации и международного взаимодействия, причем лидерами в становлении этих правил – прямо или косвенно – также признаются так называемые развитые страны.

Этой темы коснулся и американский социолог Крейг Калхун (Craig Calhoun)¹³ в лекции «Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал?», прочитанной им в Москве 17 января 2006 г. Суть, основные идеи этих теорий он демонстрирует следующим образом: есть традиционные страны с устоявшейся веками иерархией рангов и статусов, и есть более динамичные демократичные страны. Традиционализм препятствует экономическим и социальным изменениям, а демократическое устройство способствует прогрессу. Поэтому традиционные страны отстают в своем развитии, остались в прошлом, в то время как демократические развитые страны определяют лицо современности. Миссия США и других развитых стран заключается в том, чтобы привести отсталые традиционные страны в современность [Калхун 2006]. По словам К. Калхуна, «это было основано на той аксиоме, что правительства и народы так называемых традиционных стран должны будут принять с энтузиазмом теоретические предсказания и политические предписания, которые дают им ученые из Гарварда, Оксфорда или Беркли. Поскольку считалось, что все они должны хотеть стать современными, все должны достичь уровня развития современного мира; это вытекало из самой постановки вопроса – из дихотомии между традиционным и современным миром. Центральным агентством по разработке теории модернизации был Совет по исследованиям в социальных науках (SSRS)»¹⁴ [Калхун 2006]. На разработку и распространение теорий модернизации и глобализации, как свидетельствуют цитируемые ученые, были выделены значительные деньги из государственных бюджетов, а также (говоря бытовым русским языком) из олигархических фондов (Рокфеллера, Карнеги, Форда).

Следует отметить, что деловые круги поддерживали развитие данных теорий, поскольку справедливо полагали, что страны, принявшие теорию модернизации, примут и американские инвестиции, откроются американскому рынку. В свою очередь для политиков было важно создание потенциала большого количества рабочих мест для экспертов, отправлявшихся в страны третьего мира в качестве советников правительств и агентов западного влияния.

Однако остается вопрос: почему (при всем уважении к теориям модернизации и глобализации) они не могут, на наш взгляд, быть достаточными для самоопределения российского общества. Здесь уместно вновь привести слова К. Калхуна: «Эти теории дают вам некий ключ, который открывает, казалось бы, все двери. В действительности, открывая некоторые двери, они даже не замечают существование других <...> теорий, которые существуют лишь в одном измерении и отрицают другие измерения» [Калхун 2006].

Если представленные ранее цивилизационные теории концентрируются преимущественно на России, не уделяя достаточного внимания рассмотрению страны в более широких универсальных контекстах, то теории модернизации и глобализации российской контекст практически полностью игнорируют. Поэто-

¹³ В 2012 г. К. Калхун переехал из США в Великобританию, где возглавил Лондонскую школу экономики и политических наук; в 2016 г. он вернулся в США.

¹⁴ Поскольку с 1999 по 2012 гг. К. Калхун возглавлял этот совет, надо полагать, он знал, о чем говорил.

му вряд ли целесообразно использовать их в качестве искомой системы координат для самоопределения российского общества. Хотя применение положений теорий модернизации и глобализации к анализу российского общества долгие годы было и до сих пор остается практически общим местом как для отечественных, так и зарубежных исследователей и в некотором смысле оказывается весьма полезно, но, тем не менее, они, на наш взгляд, не являются достаточными для понимания происходящих в стране процессов.

Институциональные теории

Изучение институтов становится все более популярной темой и в мире, и в России [Кирдина 2015]. Среди множества работ по институциональной проблематике нас интересуют прежде теоретические исследования, посвященные типологизации социально-экономических моделей общественного развития в широкой сравнительной и исторической перспективе, разработки, которые стартуют не от России, а значимо принимают во внимание мировой контекст. Среди таких современных концепций выделяются две популярные теории – теория порядков открытого и ограниченного доступа [North, Wallis, Weingast 2009; Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011] и теория инклюзивных и экстрактивных институтов [Acemoglu, Robinson 2012; Аджемоглу, Робинсон 2015].

Эти теории предлагаются как чисто научный продукт, свободный от оценочных суждений и культурологических предпочтений, однако сторонние исследователи отмечают, что авторам не удается полностью абстрагироваться от культурного компонента при создании своих институциональных конструкций. Каждый раз, когда анализируется функционирование институтов в реальной среде, «социокультурный компонент оказывается той аурой, которая «обволакивает» весь процесс и часто в решающей степени влияет на его результат» [Балацкий, Плискевич 2017, с. 102]. Мы также полагаем, что в упомянутых концепциях Д. Норта с коллегами и Д. Аджемоглу с Дж. Робинсоном имеет место смешение институциональных и культурных характеристик.

В этой связи имеет смысл напомнить основы социологического различения культурных и социальных систем. Толкотт Парсонс, рассуждая о культурных и социальных системах, подчеркивал, что хотя «все человеческие сообщества “культурны”, и обладание культурой есть неотъемлемый критерий человеческого общества» [Парсонс 1998, с. 13], «хотя культура эмпирически фундаментальна для общества, в теоретическом плане они принципиально отличны. Система культуры является иным уровнем абстракции. <...> Социальная система <общество> не есть система культурных стандартов, она взаимодействует с ними так же, как она взаимодействует с физическими и биологическими условиями» [Парсонс 1998, с. 39–50]. Если же исследователям общества не удастся явно провести строгое аналитическое различие культурного и социального (социоструктурного, институционального, организационного), то культурно-идеологическая составляющая, не будучи обособленной в ходе необходимой рефлексии, присутствует латентно, отражая взгляды и ценностные предпочтения исследователя и искажая получаемые выводы (известный феномен смещения оценок, или *bias*).

О явной опоре авторов рассматриваемых институциональных теорий на определенные идеологические установки пишет, например, В.М. Полтерович. При этом он полагает такую опору необходимой и естественной, поскольку «сложность общественных систем, их изменчивость и невозможность (за исключением редких ситуаций) проведения лабораторных экспериментов приводят к тому, что общие концепции, претендующие на объяснение реальности и на практическую значимость, вынуждены опираться на идеологию» [Полтерович 2017, с. 57]. Однако, на наш взгляд, выявленная идеологическая обоснованность этих теорий вряд ли способствует поиску научной истины. Неслучайно авторская интерпретация исторических фактов и сопоставлений, представленных в данных теориях, активно критикуется, особенно это касается теории Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона (см., например, [Diamond 2012; Арсланов 2016]).

Идеологические предпочтения авторов обеих институциональных теорий находят свое явное выражение в используемой ими терминологии и в трактовке результатов. Так, более развитые положительно описываемые институциональные модели (к ним относятся порядки открытого доступа в теории Д. Норта и его коллег или общества с инклюзивными институтами у Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона), авторы находят прежде всего в западных странах. Соответственно, именно западные страны являются передовыми, образцовыми в предложенных авторами системах координат, в то время как страны, где до сих пор преобладают ограниченный доступ и экстрактивные институты, – отсталые и недостаточно развитые. Здесь мы видим, похоже, ту же логику, которая присутствует и в теориях модернизации и глобализации.

Подытожим наш анализ. С одной стороны, обе институциональные теории опираются на обширный исторический материал, используют факты из истории многих стран, что обеспечивает широкий сравнительный анализ. Объектом рассмотрения в них являются институциональные структуры, объединяющие не только социальные, но также политические и экономические институты. Все это свидетельствует о том, что данные теории могут служить для многих стран и, возможно, для российского общества искомой системой координат для самоопределения в пространстве институционального развития. С другой стороны, их выраженная идеологическая предвзятость не позволяет, на наш взгляд, целиком опереться на эти теории как на позитивное социальное знание при решении нашей задачи.

В то же время, как и в случае с предыдущими теориями, отдельные их элементы могут быть применимы к изучению и диагностике российского общества; есть примеры имплементации некоторых положений данных теорий в научные разработки отечественных ученых¹⁵. Правда, остается открытым вопрос, насколько это углубляет понимание происходящего в российской действительности.

---

¹⁵ Один из недавних характерных примеров – включение О.Э. Бессоновой терминологии порядков открытого и ограниченного доступа, а также инклюзивных и экстрактивных институтов в собственную теорию раздатка [Бессонова 2018].

Теория институциональных матриц (X-Y-теория)

В заключение обзора теоретических концепций, на основе которых возможно самоопределение российского общества и, главное, обоснование адекватной модели мобилизации использования ресурсов для общественного развития, представим авторскую теорию институциональных матриц (X-Y-теории), которая разрабатывается с 2000 г. [Кирдина 2014 (2000, 2001); Kirdina-Chandler 2017 и другие¹⁶]. В ней разворачивается и проходит эмпирическую проверку теоретическая гипотеза о двух системах базовых институтов, которые взаимодействуют в институциональной структуре любого общества. Эти системы получили название X- и Y- институциональные матрицы (от лат. *matrix* – исходная, первичная модель). Матрицы отличаются друг от друга содержанием экономических, политических и идеологических институтов: выполняя одни и те же функции, необходимые для существования и развития общества, они регулируют их по-разному. Доминирование той или иной матрицы с соответствующим ей набором институтов определяет специфику общественной организации.

X-матрица (в ней объединяются институты редиистрибутивной экономики, унитарно-централизованного политического порядка и коммуитарной идеологии) доминирует в России, Китае, Корее, Японии, Индии и большинстве стран Азии и Латинской Америки. Y-матрица с присущими ей институтами рыночной экономики, федеративной политической структурой и индивидуалистской идеологией превалируют в странах Европы и ее географических расширений: США, Канаде, Австралии. При доминировании одной из матриц альтернативная матрица имеет комплементарный, дополняющий характер.

В ходе исторического развития, с учетом внутренних условий и внешней ситуации, в странах формируется динамический баланс доминантных и комплементарных институтов¹⁷, позволяющий отвечать на имеющиеся вызовы. Несмотря на то, что господство той или иной матрицы в государстве имеет исторически непреходящий характер, соотношение доминантных и комплементарных институтов находится в постоянном движении, формы их выражения исторически развиваются, институты действуют то явно, то латентно, что формирует динамичные «институциональные ландшафты» (выражение Г.Б. Клейнера) разных стран.

Доминантное положение той или иной матрицы в значительной мере определяется географическими условиями тех территорий, на которых формируются государства. Связь характера общественной структуры с характеристиками

¹⁶ Ознакомиться с основными положениями и детальным описанием теории институциональных матриц (X-Y-теории) можно по адресам: <http://www.xn--80ahlbhvs.xn--p1ai/doc/book/XYbook3.pdf>; https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B8%D1%80%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%A7%D1%8D%D0%BD%D0%B4%D0%BB%D0%B5%D1%80,%D0%A1%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B0_%D0%93%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B0. Теория опирается на традиции государственной школы российской историографии XIX в., разработки П. Сорокина, Т. Парсонаса, К. Поланьи, О.Э. Бессоновой, Д. Норта, Х. Лейбенштайна, Т.И. Заславской, А.С. Ахиезера и других (см. [Кирдина 2014, с. 34–40]).

¹⁷ Комплементарные институты играют необходимую, но все же вспомогательную роль, дополняя до целого институциональную общественную структуру. Как в генетике, где доминантный ген, подавляя рецессивный, задает проявляющиеся признаки живого организма, так и институты доминирующей матрицы определяют характер складывающейся в обществе институциональной среды, строят рамки и ограничения для действия комплементарных, вспомогательных институтов альтернативной матрицы.

внешней среды многократно отмечена в научной литературе¹⁸. Недавно мы также подтвердили эту зависимость в результате масштабного статистического исследования на выборке 65 крупнейших стран мира, используя 115 параметров и методы интеллектуального анализа данных [Кириллюк, Волинский, Круглова, Кузнецова, Рубинштейн, Сенько 2015; Кирдина, Кузнецова, Сенько 2015; Кирдина-Чэндлер 2018]. Обнаружено, что, несмотря на технологические изменения в способах использования географического пространства, природные характеристики территории, такие как уровень температуры и осадков, их распределение в течение года, подверженность природным рискам и катастрофам продолжают определять (ограничивать) пространство институциональных решений.

Теория институциональных матриц (X-Y-теория) – это теория мезоуровня. Ее предмет – анализ институциональных механизмов, которые формируют систему организации и мобилизации ресурсов, обеспечивающих устойчивое развитие общества, в ее экономическом, политическом и идеологическом измерениях: в каких отраслях и в каком соотношении действуют госкорпорации и частные фирмы; как и в какой пропорции сочетаются федеративные начала и централизация, выборность и назначения; в какой мере поддерживаются в чем-то альтернативные ценности свободы и порядка; что оказывается предпочтительным в конкретных ситуациях: конкуренция или кооперация. Теория институциональных матриц (X-Y-теория) позволяет строить различные метрики, на основе которых эти и другие важнейшие институциональные пропорции могут быть измерены. Результаты таких измерений представлены уже во многих работах (см., например, [Камко 2012; Соколов 2013; Верников 2014; Оводова, Чупин, Жигунов 2018 и другие]). В них также показано, что от соотношения этих пропорций в значительной мере зависит, в частности, эффективность реформирования российской экономики.

Общества с доминированием альтернативных институциональных матриц не противопоставляются друг другу, а рассматриваются как рядоположенные и объективно нуждающиеся друг в друге. Эта взаимозависимость проявляет себя, например, в постоянных институциональных обменах между этими группами стран.

Подводя итог, можно сказать, что теория институциональных матриц (X-Y-теории) имеет своим предметом взаимосвязанные структуры основных общественных институтов (экономических, политических и идеологических), успешно проходит эмпирическую проверку, в том числе в ходе межстрановых исследований, обладает прагматической направленностью и является идеологически нейтральной. Возможно, стоит попробовать использовать именно ее в качестве основной системы координат для самоопределения российского общества.

Заключение

Самоопределение общества подразумевает осознание нацией-государством своих особенностей, их артикуляцию, формирование на этой основе целей развития и, наконец, выбор системы мобилизации имеющихся в распоряжении общества

---

¹⁸ См., например, работы ушедшего от нас Э.С. Кульпина-Губайдуллина и его коллег по социоестественной истории, гипотезу Р. Пайпса – Л.В. Милова, работы Б.Н. Миронова и другие.

ресурсов. Парадоксально, но эта важная, на наш взгляд, тема практически не обсуждается в явном и цельном виде в современной научной литературе, хотя ее отдельные аспекты можно найти в социологических исследованиях, посвященных отношению населения к тем или иным общественным моделям и социальным установкам. В латентной форме те или иные представления о национальном самоопределении содержатся и в альтернативных предложениях экономистов и политиков относительно предлагаемых реформ или проявляют себя при оценке их результатов. Продолжающийся поиск национальной идеи также представляет собой нащупывание «народной воли», которая поддержит те или иные варианты стратегических целей и моделей развития.

Задача настоящей статьи заключалась в поиске ответа на вопрос, какие современные научные достижения в области общественных наук можно использовать для того, чтобы найти ответ на этот не до конца решенный вопрос. С этой целью была проведена своего рода инвентаризация имеющихся теоретических концепций как возможных систем координат для самоопределения российского общества. Рассмотренные концепции и подходы включают в себя культурологическую оппозицию Запад-Восток, и евразийство, цивилизационный подход, теории модернизации и глобализации, институциональные теории (порядков открытого/ограниченного доступа и инклюзивных/экстрактивных институтов), теорию институциональных X-Y-матриц. Сравнив преимущества и ограничения каждого из теоретических подходов для решения поставленной задачи, мы предлагаем опереться на теорию институциональных X-Y-матриц для самоопределения российского общества.

Следует подчеркнуть, что самоопределение российского общества предполагает не только формирование согласованных элитами и населением стратегических целей и основных ориентиров внутренней и внешней политики. Мы считаем, что в основном эта проблема уже решена, и в целом контуры такой политики обществом осознаны и признаны. Но не решена инструментальная задача самоопределения, которая состоит в том, чтобы сформировать общественный консенсус по поводу выстраиваемой экономической и политической системы организации и мобилизации ресурсов, обеспечивающей устойчивое развитие общества. Представления о такой системе (или модели развития) по-прежнему расплывчаты и порой невняты. Так, в политике, с одной стороны, расширяется сфера выборности, конкурсов, политической конкуренции, с другой, усиливается роль федерального центра в принятии ключевых политических решений на уровне регионов. В экономике декларируется развитие рыночных начал, рост стимулов для ведения бизнеса на всех уровнях – от малого до крупнейшего, с другой стороны, усиливается значимость указов, бюджетных программ, национальных проектов и т.п.

По всей видимости, процесс выстраивания модели развития продолжает вестись в значительной мере на основе метода проб и ошибок. И хотя к процессу управления привлечены значительные научные силы, вместо непротиворечивой ясной программы мы скорее имеем совокупность управленческих реакций на возникающие «здесь и сейчас» проблемы. Поэтому было бы интересно продолжить общественную дискуссию по поводу самоопределения российского общества, чтобы в конце концов прийти к необходимой консолидации научных позиций российских исследователей. Как писал в свое время замечательный культуролог Дмитрий Сергеевич Лихачев, «если ученый создает сотни новых терминов, –

он разрушает науку, десятки – поддерживает ее, два-три – двигает науку вперед»¹⁹. На наш взгляд, именно такой концентрации не хватает сегодня нашему «коллективному российскому ученому», чтобы, двинув науку вперед, помочь обществу в его самоопределении.

Литература

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015) Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Арсланов В.В. (2016) География, институты и истоки глобального неравенства: критика концепции экономического развития Аджемоглу и Робинсона. М.: Институт экономики РАН.
- Балацкий Е.В., Плискович Н.М. (2017) Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события // Мир России. Т. 26. № 4. С. 97–117.
- Бессонова О.Э. (2018) Институциональная матрица социального государства и демократии в России // Экономическая социология. Т. 19. № 3. С. 50–67.
- Бокарев Ю.П. (2010) Теории модернизации и экономическое развитие // Уральский исторический вестник. № 4(57). С. 25–35.
- Болховитинов Н.Н. (ред.) (2001) Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М.: Наука.
- Верников А.В. (2014) Сравнение институциональной структуры банковских систем России и Китая // Деньги и кредит. № 11. С. 20–28.
- Гессе Г. (2008) Игра в бисер. М.: АСТ.
- Данилевский Н. (1869) Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому // Заря. № 5–6, 8–9.
- Ильин В.И. (2017) Структура исторической колеи России: проблемы методологии // Мир России. Т. 26. № 4. С. 30–50.
- Ильин В.И. (2019) Истернизация русской повседневности: история и современность // Мир России. Т. 28. № 2. С. 25–41.
- Калхун К. (2006) Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал // Институт общественного проектирования (ИНОП). 20 марта 2006 // <http://www.inop.ru/reading/page68/>
- Камко Е.В. (2012) Централизованное управление инновациями в России: институциональный анализ // Terra Economicus. Т. 10. № 2. С. 19–31.
- Кирдина С.Г. (2014) [2000, 2001] Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е. М., СПб.: Нестор-История.
- Кирдина С.Г. (2015) Институционализм в России в 1930–2010-е гг.: инверсионный цикл? // Journal of Institutional Studies. Т. 7. № 2. С. 6–37.
- Кирдина С.Г., Кузнецова А.Н., Сенько О.В. (2015) Климат и институциональные матрицы // Социологические исследования. № 9. С. 3–13.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2018) Западные и не-западные институциональные модели во времени и пространстве // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 78–93.
- Кириллюк И.Л., Волынский А.И., Круглова М.С., Кузнецова А.В., Рубинштейн А.А., Сенько О.В. (2015) Эмпирическая проверка теорий институциональных матриц методами интеллектуального анализа данных // Компьютерные исследования и моделирование. Т. 7. № 4. С. 923–933.
- Козловский В.В. (2017) Цивилизационные контуры и эффекты российских революций XX столетия // Мир России. Т. 26. № 4. С. 7–29.

¹⁹ Лихачев Д.С. (2006) Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет: в 3 т. Т. 2. СПб.: АРС. С. 471.

- Костяев А.И., Максимова Н.Ю. (2008) Современная российская цивилизациология. Подходы, проблемы, понятия. М.: ЛКИ.
- Культурология. XX век. Словарь (1997). СПб.: Университетская книга.
- Лексин В.Н. (2012) Русская цивилизация: опыт системной диагностики // Мир России. Т. 21. № 4. С. 3–39.
- Менделеев Д.К. (1907) К познанию России. СПб.: Изд-во А.С. Суворина.
- Мионов Б.Н. (2015) Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: «Дмитрий Буланин».
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2010) Россия и Европа: эффект колеи (Опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта.
- Оводова С.Н., Чупин Р.И., Жигунов А.Ю. (2018) Урбанистический дискурс о благоустройстве города в городе: от нарративов к институтам // Journal of Institutional Studies. Т. 10. № 3. С. 123–138.
- Орлов И.Б. (2017) Русская цивилизация: реальность и перспективы // Мир России. Т. 26. № 3. С. 194–212.
- Пантин В.И., Лапкин В.В. (2006) Политическое самоопределение российского общества // Общественные науки и современность. № 4. С. 78–87.
- Парсонс Т. (1998) Система современных обществ. М.: Аспект Пресс.
- Полтерович В.М. (2017) Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 55–65.
- Соколов Г.М. (2013) Институциональный дизайн земельных отношений в России в пост-перестроечный период // Экономическое возрождение России. № 1(35). С. 112–129.
- Хантингтон С. (1994) Столкновение цивилизаций // Политические исследования. № 1. С. 33–48.
- Шемякин Я.Г. (2016) Россия и Латинская Америка как цивилизации: попытка сравнения. Размышления над книгами В.Б. Земскова // Мир России. Т. 25. № 1. С. 154–180.
- Шкаратан О.И. (2010) Системы цивилизаций и модели социально-экономического развития России и других посткоммунистических стран Европы // Мир России. Т. 19. № 3. С. 23–45.
- Шкаратан О.И., Лексин В.Н., Ястребов Г.А. (ред.) (2015) Россия как цивилизация: материалы к размышлению. М.: Редакция журнала «Мир России».
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. (ред.) (2016) Нова ли новая Россия? М.: Университетская книга.
- Шпенглер О. (1993) Закат Европы. Новосибирск: Наука.
- Acemoglu D., Robinson J. (2012) Why Nations Fail: the Origins of Power, Prosperity, and Poverty, New York: Crown Business.
- Diamond J. (2012) What Makes Countries Rich or Poor? // New York Review of Books, June 7, 2012 // <https://www.nybooks.com/articles/2012/06/07/what-makes-countries-rich-or-poor/>
- Huntington S.P. (1993) The Clash of Civilizations // Foreign Affairs, vol. 72, no 3, pp. 22–49.
- Kirdina-Chandler S. (2017) Institutional Matrices Theory, or X-and Y-theory: A Response to F. Gregory Hayden // Journal of Economic Issues, vol. 51, no 2, pp. 476–485.
- North D., Wallis J., Weingast B. (2009) Violence and Social Order: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History, Cambridge: Cambridge University Press.
- Robinson W.I. (2007) Theories of Globalization // Blackwell Companion to Globalization (ed. Ritzer G.), Oxford: Blackwell, pp. 125–143.
- Toynbee A.J. (1961) A Study of History. Vols. 1–12, London, New York, Toronto: Oxford University Press.

Towards the Self-Determination of Russian Society: in Search of a Coordinate System

S. KIRDINA-CHANDLER*

***Svetlana Kirdina-Chandler** – DSc in Sociology, Chief Researcher, Head of Sub-division of Evolution for Social and Economic Systems, the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. Address: 32, Nakhimovskij Av., Moscow, 117219, Russian Federation. E-mail: kirdina@bk.ru

Citation: Kirdina-Chandler S. (2019) Towards the Self-Determination of Russian Society: in Search of a Coordinate System. *Mir Rossii*, vol. 28, no 2, pp. 6–24 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-6-24

Abstract

Russian society is in search of self-determination. This requires the articulation of strategic goals and basic guidelines for domestic and foreign policy, on which there is a consensus both among the elites and the population – such a consensus is present in modern Russia. However, and most importantly, self-determination requires the choice and acceptance of an effective system of resource mobilization and management, in order to ensure sustainable development – in that sense there is little agreement currently present in Russian society. This article critically reviews the modern theoretical concepts used for the analysis of Russian society, and their instrumental capacity to serve as “coordinate systems” for societal self-determination. The concepts and approaches considered include the cultural East-West dichotomy and Eurasianism; the civilizational approach; the theories of modernization and globalization; institutional theories (“open/limited access orders” and “inclusive/extractive” institutions); and the theory of institutional X- and Y-matrices. The author discusses the advantages and limitations of these approaches and substantiates the argument that the theory of X- and Y-institutional matrices may hold greater promise as a “coordinate system” for the self-determination of Russian society. It is a meso-level theory, which identifies economic, political and ideological institutions and ways of including resources in economic and social activity. It allows the determination of the contours of an appropriate system of organization and the mobilization of available resources given the set of specific external and internal challenges. The theory is ideologically neutral and has a pragmatic focus. It can also be used to develop appropriate metrics for the evaluation of Russian institutional reforms and their outcomes.

Key words: Russia, self-determination, institutions, meso-level analysis, East-West dichotomy, civilizations, modernization theory, institutional theory, theory of institutional X- and Y-matrices

References

- Acemoglu D., Robinson J. (2012) *Why Nations Fail: the Origins of Power, Prosperity, and Poverty*, New York: Crown Business.
- Acemoglu D., Robinson J. (2015) *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishhety* [Why Nations Fail: the Origins of Power, Prosperity, and Poverty], Moscow: AST.
- Arslanov V.V. (2016) *Geografiya, instituty i istoki global'nogo neravenstva: kritika kontseptsii ekonomicheskogo razvitiya Adzhemoglu i Robinsona* [Geography, Institutions and the Roots of Global Inequality: a Critical Appraisal of Acemoglu and Robinson's Theory of Economic Development], Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.
- Balatsky E., Pliskevich N. (2017) Ekonomicheskij rost v usloviyakh ekstraktivnykh institutov: sovet'skij paradoks i sovremennye sobytiya [Economic Growth under Extractive Institutions: the Soviet Paradox and Contemporary Events]. *Mir Rossii*, vol. 26, no 4, pp. 97–117.
- Bessonova O. E. (2018) Institut'sional'naya matritsa sotsial'nogo gosudarstva i demokratii v Rossii [Institutional Matrix of the Welfare State and Democracy in Russia]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 19, no 3, pp. 50–67.
- Bokarev Y.P. (2010) Teorii modernizatsii i ekonomicheskoe razvitie [Theories of Modernization and Economic Development]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, no 4(57), pp. 25–35.
- Bolkhovitinov N.N. (ed.) (2001) *Amerikanskaya tsivilizatsiya kak istoricheskij fenomen. Vospriyatie SShA v amerikanskoy, zapadnoevropeyskoy i russkoy obshchestvennoy mysli* [American Civilization as a Historical Phenomenon. The Perception of the United States in American, Western European and Russian Social Thought], Moscow: Nauka.
- Calhoun C. (2006) *Teorii modernizatsii i globalizatsii: kto i zachem ikh pridumyval* [Theories of Modernization and Globalization: Who Invented Them and Why]. *Institute for Social Design (INOP)*, March 20, 2006. Available at: <http://www.inop.ru/reading/page68/>, accessed 31.01.2019.
- Danilevsky N. (1869) Rossiya i Evropa. Vzgl'yad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu [Russia and Europe. A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the Germanic-Roman World]. *Zarya*, no 5–6, 8–9.
- Diamond J. (2012) What Makes Countries Rich or Poor? *New York Review of Books*, June 7, 2012. Available at: <https://www.nybooks.com/articles/2012/06/07/what-makes-countries-rich-or-poor/>, accessed 31.01.2019.
- Hesse H. (2008) *Igra v biser* [The Glass Bead Game], Moscow: ACT.
- Huntington S.P. (1993) The Clash of Civilizations. *Foreign Affairs*, vol. 72, no 3, pp. 22–49.
- Huntington S.P. (1994) Stolknovenie tsivilizatsij [The Clash of Civilizations]. *Politicheskie issledovaniya*, no 1, pp. 33–48.
- Ilyin V.I. (2017) Struktura istoricheskoy kolei Rossii: problemy metodologii [The Structure of Russia's Historical Path Dependency]. *Mir Rossii*, vol. 26, no 4, pp. 30–50.
- Ilyin V.I. (2019) Isternizatsiya russkoj povsednevnosti: istoriya i sovremennost' [Easternization of the Russian Everyday Life: History and Modern Time]. *Mir Rossii*, vol. 28, no 2, pp. 25–41.
- Kamko E.V. (2012) Tsentralizovannoe upravlenie innovatsiyami v Rossii: institutsional'nyj analiz [Centralized Management of Innovations in Russia: an Institutional Analysis]. *Terra Economicus*, vol. 10, no 2, pp. 19–31.
- Kirdina S.G. (2014) [2000, 2001] *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii. Vvedenie v X-Y-teoriyu*. [Institutional Matrices and Development in Russia: an Introduction to X and Y Theory]. 3rd edition, Moscow, Saint Petersburg: Nestor Istoriya.
- Kirdina S.G. (2015) Institut'sionalizm v Rossii v 1930–2010-e gg.: invercionnyj tsikl? [Institutionalism in Russia in 1930–2010s: an Inversion Cycle?]. *Journal of Institutional Studies*, vol. 7, no 2, pp. 6–37.
- Kirdina-Chandler S. (2017) Institutional Matrices Theory, or X-and Y-theory: A Response to F. Gregory Hayden. *Journal of Economic Issues*, vol. 51, no 2, pp. 476–485.

- Kirdina-Chandler S.G. (2018) Zapadnye i ne-zapadnye institutsional'nye modeli vo vremeni i prostranstve [Western and Non-western Institutional Models in Time and Geographical Space]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, no 1, pp. 78–93.
- Kirdina S.G., Kuznetsova A.V., Sen'ko O.V. (2015) Klimat i institutsional'nye matritsy [Climate and Institutional Matrices: Cross-Country Analysis]. *Sotsiologicheskije issledovaniya*, no 9, pp. 3–13.
- Kirilyuk I.L., Volynsky A.I., Kruglova M.S., Kuznetsova A.V., Rubinstein A.A., Senko O.V. (2015) Empiricheskaya proverka teorii institutsional'nykh matrits metodami intellektual'nogo analiza dannykh [Empirical Testing of Institutional Matrices Theory by Data Mining]. *Kompyuternye issledovaniya i modelirovanie*, vol. 7, no 4, pp. 923–933.
- Kostyaev A.I., Maksimova N.Y. (2008) *Sovremennaya rossijskaya tsivilizatsiologiya. Podkhody, problemy, ponyatiya* [Modern Russian Research on Civilizations. Approaches, Problems, Concepts], Moscow: LKI.
- Kozlovskiy V. (2017) Tsivilizatsionnye kontury i efekty rossijskikh revolyutsij XX stoletiya [Civilizational Contours and the Effects of the Russian Revolutions in the 20th Century]. *Mir Rossii*, vol. 26, no 4, pp. 7–29.
- Kul'turologiya. XX vek. Slovar'* [Culturology. XX Century. Dictionary] (1997), Saint Petersburg: Universitetskaya kniga.
- Leksin V.N. (2012) Russkaya tsivilizatsiya: opyt sistemnoj diagnostiki [Russian Civilization: Experience of System Diagnostics]. *Mir Rossii*, vol. 21, no 4, pp. 3–39.
- Mendeleev D.K. (1907) *K poznaniyu Rossii* [To the Knowledge of Russia], Saint Petersburg: Izdatel'skij dom A.S. Suvorina.
- Mironov B. N. (2015) *Rossijskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity], Saint Petersburg: "Dmitry Bulanin".
- North D., Wallis J., Weingast B. (2009) *Violence and Social Order: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*, Cambridge: Cambridge University Press.
- North D., Wallis J., Weingast B. (2011) *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoj istorii chelovechestva* [Violence and Social Order: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History], Moscow: Institut Gajdara.
- Nureev R.M., Latov Y.V. (2010). *Rossiya i Evropa: effekt kolei (Opyt institutsional'nogo analiza istorii ekonomicheskogo razvitiya* [Russia and Europe: the Path-dependence Effect (Experience of Institutional Analysis of the History of Economic Development)], Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta.
- Orlov I. (2017) Russkaya tsivilizatsiya: real'nost' i perspektivy [Russian Civilization: Reality and Prospects]. *Mir Rossii*, vol. 26, no 3, pp. 194–212.
- Ovodova S.N., Chupin R.I., Zhigunov A.Y. (2018) Urbanisticheskij diskurs o blagoustrojstve goroda v gorode: ot narrativov k institutam [Urban Discourse about City Improvement: from Narratives to Institutions]. *Journal of Institutional Studies*, vol. 10, no 3, pp. 123–138.
- Pantin V.I., Lapkin V.V. (2006) Politicheskoe samoopredelenie rossijskogo obshchestva [Political Self-Determination of the Russian Society]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 4, pp. 78–87.
- Parsons T. (1998) *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies], Moscow: Aspect Press.
- Polterovich V.M. (2017) Razrabotka strategij sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: nauka vs ideologiya [Designing the Strategies for Socio-economic Development: Science vs Ideology]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, no 1, pp. 55–65.
- Robinson W.I. (2007) Theories of Globalization. *Blackwell Companion to Globalization* (ed. Ritzer G.), Oxford: Blackwell, pp. 125–143.
- Shemyakin Ya. (2016) Rossiya i Latinskaya Amerika kak tsivilizatsii: popytka sravneniya. Razmyshleniya nad knigami V.B. Zemskova [A Comparison of Russia and Latin America as Civilizations: Reflections on the Books of Zemskov]. *Mir Rossii*, vol. 25, no 1, pp. 154–180.
- Shkaratan O.I. (2010) Sistemy tsivilizatsij i modeli sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii i drugih postkommunisticheskikh stran Evropy [Civilization Systems and Models of Social and Economic Development of Russia and Other European Post-Communist Countries]. *Mir Rossii*, vol. 19, no 3, pp. 23–45.

- Shkaratan O.I., Leksin V.N., Yastrebov G.A. (eds.) (2015) *Rossiya kak tsivilizatsiya: materialy k razmyshleniyu* [Russia as a Civilization: Readings for Reflections], Moscow: Redaktsiya zhurnala «Mir Rossii».
- Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. (eds.) (2016) *Nova li novaya Rossiya?* [Is New Russia New?], Moscow: Universitetskaya kniga.
- Sokolov G.M. (2013) InstitutSIONal'nyj dizajn zemel'nykh otnoshenij v Rossii v post-perestroechnyj period [Institutional Design of Land Relations in Russia in the Post-Perestroika Period]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, vol. 35, no 1, pp. 112–129.
- Spengler O. (1993) *Zakat Evropy* [The Decline of Europe], Novosibirsk: Nauka.
- Toynbee A.J. (1961) *A Study of History*. Vols. 1–12, London, New York, Toronto: Oxford University Press.
- Vernikov A.V. (2014) Sravnenie institutsional'noj struktury bankovskikh sistem Rossii i Kitaya [Comparing the Institutional Structure of Russian and Chinese Banking Systems]. *Dengi i kredit*, no 11, pp. 20–28.